

**Стихотворения С. Д.
Дрожжина**

1866-1888

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С80

С80 Стихотворения С. Д. Дрожжина: 1866-1888 / – М.: Книга по Требованию,
2014. – 540 с.

ISBN 978-5-518-02952-1

ISBN 978-5-518-02952-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приближаясь къ предѣльному возрасту чело-
вѣческой жизни, я думаю подвести итогъ всему
написанному мною, начиная съ 1866 года, а по-
тому и рѣшилъ настоящимъ томомъ приступить
къ полному собранію своихъ стихотвореній.

Два петербургскихъ изданія 1889 и 1894 гг.
книги съ моими записками, въ которую входили
стихотворенія, написанныя съ 1866 по 1888 годъ,
разошлись полностью, и теперь эта книга печатается и выпускается въ свѣтъ третьимъ изда-
ніемъ, какъ первый томъ полнаго собранія,
значительно мною исправленный и дополненный.

Второй томъ стихотвореній, написанныхъ съ
1889 года, готовится и о выходѣ его свое-
ременно будетъ объявлено.

Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ эк-
земпляровъ двѣ книги изданія Товарищества И.
Д. Сытина „Поэзія труда и горя“ и „Новыя
стихотворенія“, заключающія въ себѣ пьесы, на-
писанныя послѣ книги двухъ петербургскихъ
изданій по 1903 годъ, служатъ какъ бы продолже-
ніемъ настоящаго. Изъ нихъ сюда я взялъ только
нѣсколько стихотвореній, написанныхъ въ эпоху
1866—1888 гг.

Спир. Дрожжинъ.

Д. Низовка.

14 апрѣля 1905 года.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ.

I.

Деревня Низовка, гдѣ я родился, провелъ дѣтство доживаю свои послѣдніе годы, принадлежала когда-то помѣщику Григорію Михайловичу Безобразову. Деревня эта находится въ Тверскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Волги, при слияніи рѣки Шоши, граничащей съ Клинскимъ уѣздомъ, Московской губерніи.

Прежде черезъ рѣку Шошу отъ Низовки былъ постоянный мостъ и пролегала большая московская дорога. Сюда по этой дорогѣ въ 1812 году пригоняли на остой плѣнныхъ и раненыхъ французовъ, которыхъ въ это время здѣсь не мало умирало отъ ранъ. Здѣсь же въ 1825 году провозили тѣло почившаго въ Таганрогѣ императора Александра I. Во время весенняго разлива половину Низовки заливало водой. Изба моего дѣда стояла на краю деревни; рядомъ съ избой былъ амбаръ, въ которомъ хранились зерно и всякая крестьянская рухлядь. У амбара—глубокій колодець съ необыкновенно прозрачною и холодною водой. Позади избы и амбара раскидывался съ большими рябинами и черемухой ородъ, изъ котораго виднѣлось поле и опушка соснаго лѣса.

Въ 60-хъ годахъ крестьяне, избы которыхъ въ весеннее половодье заливало водой, рѣшили избавиться отъ этого и переселились на высокое мѣсто, отчего въ стоящее время Низовка имѣетъ двѣ улицы. Перенесенныя на высокое мѣсто постройки расположены окрѣпко къ рѣкѣ Шошѣ. Отсюда на далекомъ разстояніи вид-

ны берега Волги и прибрежныя деревни и села съ всѣми окружающими ихъ полями и лѣсомъ.

Родословная моя теряется на моемъ прапрадѣдѣ-временно-обязанномъ крестьянинѣ Артеміи Дрожжинѣ котораго называли «дѣдушкой іерусалимскимъ».

Называли его такъ потому, что онъ былъ большою начетчикъ Священнаго Писанія, никогда не разставался съ Библіей и при встрѣчѣ съ кѣмъ бы то ни было говорилъ: «А ну-ка, братецъ, садись, да поговоримъ-ка мы съ тобой по-Божески, по-іерусалимски». Старикъ усаживалъ приглашаемаго рядомъ съ собой и начиналъ съ нимъ свою душеспасительную бесѣду.

По разсказу, слышанному мною отъ бабушки въ дѣтствѣ, «дѣдушка іерусалимскій» почти никогда не хворалъ, и однимъ утромъ, почувствовавъ приближеніе смерти, подозвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ дѣтей, благословилъ ихъ образомъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ сказалъ: «Живите, дѣти, любите и не обижайте другъ друга, работайте такъ, какъ я работалъ».

Отпустивъ дѣтей, «дѣдушка іерусалимскій» самъ зажегъ лампаду передъ божницею, досталъ съ полки Библию и сталъ читать ее. Къ вечеру, въ сопровожденіи діакона и дьячка, пришелъ старенькій священникъ и при многочисленномъ сборѣ деревенскаго люда совершилъ надъ дѣдушкой обрядъ соборованія.

Послѣ ухода духовенства и всѣхъ присутствующихъ въ избѣ остались только свои, семейные. Всѣ они усердно молились Богу, а умирающій, въ бѣлой рубахѣ, покрытый полушубкомъ, лежалъ подъ иконами и шопотомъ прочитывалъ страницы священной книги.

Вдругъ руки его задрожали, тяжелая Библия выпалъ изъ нихъ и громко стукнулась объ полъ. Старшій сынъ стоявшій у изголовья, поднялъ упавшую книгу, взглянулъ на отца и перекрестился. «Дѣдушка іерусалимскій

медленно смежилъ глаза и, положивъ на грудь сложенную, какъ бы для крестнаго знаменія, исхудалую руку, вздохнулъ послѣднимъ вздохомъ.

Послѣ «дѣдушки іерусалимскаго» осталось три сына: Степанъ, Кириллъ и Ѳедоръ, прозвищемъ «Плохой». Послѣдній прозывался такъ за его простоту, которая, какъ говорится, доходила до святости. Эти три брата, казалось, повторяли братьевъ сказочныхъ, среди которыхъ, какъ извѣстно, выступаютъ и дѣйствуютъ всегда два умныхъ, а третій дуракъ.

«Іерусалимскій дѣдъ», кромѣ богатаго крестьянскаго козьяйства, оставилъ дѣтямъ постоянный дворъ и нѣсколько лошадей, на которыхъ они и занимались извозомъ, доставляя разные товары то изъ Петербурга въ Москву, то изъ Москвы въ Петербургъ и въ другіе города Россіи, къ которымъ были тракты шоссейныхъ дорогъ. О доставкѣ же товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ тогда еще не было и въ поминѣ. Тогда извозный и ямщицкій промыслы были лучшею статьей крестьянскаго заработка, поэтому мои прадѣды жили въ полномъ довольствѣ.

Вотъ изъ нихъ-то старшій, Степанъ Артемьевичъ, и былъ отцомъ моего родного дѣда, Степана Степановича. Кромѣ моего дѣда, у Степана Артемьевича было еще три сына: Спиридонъ, Сидоръ и самый младшій—Алексѣй, который въ николаевское время былъ отданъ въ солдаты и прослужилъ 25 лѣтъ, участвуя въ войнѣ 853—1855 гг.

Дѣдъ мой при жизни своего отца съ двумя другими братьями, Спиридономъ и Сидоромъ, продолжалъ ѣздить въ извозъ, а послѣ смерти брата Спиридона, умершаго очень молодымъ въ дорогѣ, прадѣдъ мой остался съ моимъ дѣдомъ, а остальныхъ отдѣлилъ. Затѣмъ скорѣ, по случаю проведенія шоссейной дороги по другому тракту, онъ закрылъ постоянный дворъ и, остав-

пись при четырехдусевомъ надѣлѣ земли, сталъ заниматься преимущественно крестьянскимъ хозяйствомъ. Какъ мужикъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ хорошо извѣстный помѣщику, онъ былъ выбранъ бурмистры и должность эту занималъ нѣсколько лѣтъ.

Когда въ 1825 году, во время слѣдованія мимо деревни Низовки тѣла императора Александра I, родился мой отецъ, то сопровождавшій тѣло императора помѣщикъ остановился въ нашемъ домѣ и пожелалъ быть отцомъ крестнымъ новорожденнаго, при чемъ пожаловалъ родильницѣ, моей родной бабкѣ Аннѣ Петровнѣ два червонца на зубокъ.

Кромѣ моего отца, у дѣда было еще два сына, Василій и Петръ, и одна дочь, Пелагея, вышедшая замужъ за крестьянина въ деревню Елизаветино.

Дѣдъ мой былъ средняго роста, худощавый, съ небольшою клинообразною бородкой и съ черными съ просѣдью слегка вьющимися волосами. Лицо его выражало природный умъ, кротость и добродушіе.

Онъ, какъ и «дѣдушка іерусалимскій», былъ большій любитель Священнаго Писанія, никогда не просыпавши одной заутрени, не пропускалъ ни одной обѣдни, часто самъ водилъ меня въ церковь, гдѣ постоянно сидѣлъ рядомъ съ собой около лѣваго клироса и, моля усердно Богу, внимательно вслушивался въ пѣснопѣнія и повторялъ ихъ. Въ сундукѣ у него было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, доставшихся ему по наслѣдству. Все прочитанное и слышанное онъ отменно сохранялъ въ памяти и передавалъ въ увлекательныхъ разказахъ. Несмотря на то, что тогда грамотность въ крестьянскомъ быту считалась еще излишнею роскошью и никакихъ школъ, кромѣ дьячковыхъ, почти не было, дѣдъ далъ возможность выучиться читать и писать моему отцу и другимъ двумъ сыновьямъ, а также впоследствии и мнѣ.

Отецъ мой по обученіи грамотѣ отправленъ былъ въ Петербургъ на заработки, гдѣ вначалѣ служилъ у какого-то подрядчика. Послѣ женитьбы онъ сталъ часто прибѣгать къ чаркѣ и мѣнять должности, служба попеременно то лакеемъ, то кучеромъ, то извозчикомъ, почему и сдѣлался плохимъ помощникомъ семьи. Я росъ на рукахъ матери, дѣда и бабушки, которымъ и обязанъ всѣмъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ.

II.

Въ метрической книгѣ нашей приходской церкви села Воскресенскаго значится, что я родился 6 декабря 1848 года, крещенъ 8 декабря, при чемъ воспріемниками моими были крестьянинъ деревни Низовки Никифоръ Антоновъ и крестьянская дѣвица Пелагея Степанова; назвали меня именемъ Спиридона, по желанію дѣда и въ память его умершаго брата.

Родился я, по свидѣтельству бабушки Анны, съ слабыми признаками жизни. Но, хотя по моей младенческой немощности меня и обрекли на вѣрную смерть, я упорно продолжалъ свое существованіе и выросъ ребенкомъ здоровымъ, способнымъ на всѣ житейскія невзгоды. Мать и бабка меня баловали, и я росъ счастливый подъ ихъ ласкою.

До сихъ поръ живо вспоминается мнѣ раннее лѣтнее утро. Я открываю и протираю ручонками заспанные глаза. Въ избѣ отъ топки печи дымно. Я потягиваюсь на своей соломенной постели, опять закрываю глаза и слышу, въ чуланѣ что-то потрескиваетъ и шипитъ: это бабушка не то поджариваетъ ржаные блины, не то дѣлаетъ обалиху *).

Я живо вскакиваю и, направляясь къ чулану, свои-

*) Обалиха—заварное тѣсто на маслѣ.

ми движеніями спугиваю со стола цѣлое полчище мухъ, а сквозь волны дыма и солнечнаго свѣта постепенно различаю на стѣнѣ обсаженную ими картину, изображающую громаднаго змѣя и въ цѣпяхъ и пламени сидящаго сатану. Въ рукахъ сатана держитъ маленькаго человѣка съ кошелькомъ; это, какъ объяснили мнѣ, былъ не кто иной, какъ Іуда,—онъ самого Христа продалъ, вотъ его сатана-то и обнялъ. А вотъ еще и другая картина, поменьше первой,—то образъ самого Христа; дѣдушка сказывалъ, что обѣ эти картины отецъ мой привезъ изъ Питера. «Какой это мой отецъ-то? хотъ поглядѣлъ бы!» думаю, а Христось смотритъ на меня и показываетъ на свою грудь, а на груди у Него сердце написано, и пламень исходитъ отъ сердца; на рукахъ Христа кровавыя раны.

— Бабушка, я всталъ!

— Ну и ладно, дитятко! Поди, я тебя умою.

Послѣ умыванья бабушка обыкновенно вытираетъ меня полотенцемъ и говоритъ:

— Теперь иди къ «святымъ», читай «Отче нашъ», «Богородицу» и, помолясь, приходи сюда. Я тебѣ блинка дамъ съ маслицемъ.

— И съ молочкомъ дашь?

— И молочка волью.

— Я хочу и обалихи!

— А ты молись знай, дамъ и обалихи.

И вотъ я встаю прямо передъ божницей и, вглядываясь въ темные лики святыхъ и на Христа съ пламеннымъ сердцемъ, начинаю усердно молиться. Послѣ этого возвращаюсь къ бабушкѣ въ чуланъ. Бабушка помѣщаетъ меня на сунникъ *), на которомъ уже стоитъ цѣлая стопа румяныхъ, поджаристыхъ блиновъ. Въ

*) Столъ около пестка, или шкалъ, куда ставится провизія.